

это и есть забвение. Нет. Я видел вовсе не травы, не пустынный берег, а веселый луг-прилавок с веселыми домами, среди которых стоит и изба Тимофея, рубленая из редкого дерева — чозенни. Да и сам Тимофей, вот он, стоит на берегу в белесой рубахе и по-хозяйски оглядывает просторные воды Амура...

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

РАССКАЗ

Самые глухие, длинные и морозные ночи, как известно, бывают в декабре. Наверное, потому декабрьская пора воспринимается многими как некое затяжное ненастье, которое — хочешь не хочешь — пережить надо. Мне, например, даже в юности, когда был страстным охотником и не мыслил и дня прожить, чтоб не сбегать в тайгу, декабрь казался чем-то вроде затмения. И светло вроде, и пышные снега сверкают, и лес стоит как-то особенно торжественно — весь серебряный и тихий, и красиво, и таинственно вокруг, а все чего-то не хватает — живинки какой-то, веселинки, а может, всего-навсего — тоненького, как лучик, голоска синички. И ждать надо, терпеть. А там, глядишь, и солнышко начнет выше ходить, и дни длиннее станут, и вечера будут не такие уж глухие и темные.

С годами такое отношение к декабрю стало привычным. Да еще с годами я забросил всякую охоту. Ни ружья, ни собак, ни охотничьих припасов не держал, только в разных домашних ящиках попадались иногда пустые гильзы, оставленные на всякий случай, скажем, для ремонта спиннингов. И вот однажды именно в декабре, именно глухим вечером, именно насчет охоты, именно мне позвонил друг-приятель — Володя.

— Здорово, Колаха! — приветствовал он, явно довольный чем-то. — Слушай. Мы с Жорой две лицензии достали. Одну — на кабана, другую — на козла. Давай — с нами!

Я не то чтоб замаялся — поперхнулся. Как это? Я, который категорически отказался стрелять «любительски» во всякую теплокровную живность, вдруг должен ехать на охоту, да еще в такое глухое время?! Ведь я же объяснял... всем объяснял, что не охочусь больше.

Даже рассказ публиковал, где говорится о случае, после которого я и забросил охоту. И Володя читал его. И вот — на тебе! «Поедем на охоту». Как будто я — одно, а рассказ — совсем другое.

— Володя, дорогой, ты же знаешь... Я же...

— Ну просто так. Развеешься, побродишь, подышишь с нами. Засиделся, поди? А не хочешь бродить — седи рыбачь на «дергалку».

— То есть как это — «рыбачь»?

— Так мы же собираемся на Кривун. Там же тайменей ловят.

— Ну, ловят-то летом, на устье холодной речки. А зимой-то?..

— Я звонил. Сказали: один чувак приезжал и тягал тайменей, на устье Громотухи.

Ах, вот оно что. Ну, положим, тягать-то он не тягал, так запросто. Может, поймал одного-двух. Но все равно... Это уже другой табак! Уж что-что, а рыбак я не угасший, пока. Уж тут хлебом не корми... Да еще такие места!..

— Ну, так ка-ак?

— Дай подумать до утра.

— Ну, думай, думай. А мы уже собираемся. «Дергалки» тоже берем.

Вот дьяволы! Знают, чем донять. «Дергалки». Они там будут рыбу дергать, а я в городе киснуть?! Ну, нет...

Словом, как только я положил телефонную трубку, так тут же и решил: поеду. По-е-еду как миленький. Временем своим я сам располагаю. Хочу вкалываю как каторжный, хочу еду развеяться, набраться новых впечатлений. Дороги вообще дают много. А как же иначе? По-еду.

И тут же я начал собираться.

* * *

...Утро было тихое-тихое. Долго-долго в морозном тумане почти ничего не видно было. Нам посоветовали обождать, когда обозначится солнышко и немного обогреет. И еще сказали, что на охоту в такой день лучше не ходить. Тишина. Снег сильно хрустит. За три километра слышно. Разве что рябчиков погонять где-нибудь подальше.

На рябчика идти мои асы-охотники были не согласны. Лицензии-то на крупного зверя! Чего тут мельчить? Какие тут рябчики?

Я предлагаю пока порыбачить. Но нет, они не согласны. Раз на раз не приходится. Бывает, что и в тихие дни везет. И вообще... можно просто на разведку сбежать.

Что ж, пошли в лес. Все вместе. Мне тоже дали ружье. А как же! В тайгу пошел! Мало ли что. Да и сам я знал по прошлому опыту: чем меньше алчешь-ищешь, чем меньше волнуешься и ждешь удачи, тем вероятнее встреча со зверем. И мне всегда казалось, что он, зверь-то, каким-то образом угадывает, когда можно показаться человеку, а когда — нет. И еще не зря, наверное, говорится: «Дуракам да новичкам везет». А если смотреть на меня глазами моих опытных и матерых охотников, располагающих лицензиями, то я-то и был как раз и дурак и новичок.

Все горы здешние подступают к самому Амуру, и тут, подобно ребрам, хрящам и позвонкам, выпирают из них всякого рода скалы и камни, между которыми сверху вниз тянутся глубокие ложбины. По этим ложбинам в летнюю пору то и дело скатываются в воду камни и камешки, а в зимнюю — стекают на лед снеговые оплывы. На этих крутяках, в зависимости от почвы и освещения, лепятся то сосны, то лиственницы, то мелкий лопухий дубняк, то разный колючий кустарник, то вообще ничего не растет. От Амура горы уходят далеко в «тыл», далеко на север, на восток и на запад, и между ними петляют многочисленные долины, пади, распадки. Так что погулять, потешить охотничью душеньку есть где.

Одолев всякие подъемы и заросли, выбираемся на заснеженный становик и идем по самому верху, то пересекаем всяческие «позвонки» и «ребра», где в затишках могут отдыхать кабаны или козы. В крупном дубняке все перепахано кабанами, все истоптано, изброжено вдоль и поперек. Старая листва с приставшей землей вывернута наверх — заиндевила. Что и говорить: зверя тут много, и это радует. Правда, я-то радуюсь не как охотник, а как очевидец, что ли. Конечно, и у меня ружье заряжено. Но мне все кажется, что стрелять мне, бог даст, не придется. Я иду за компанию. Вместе по-

ехали, вместе в лес пошли. Нельзя отщепляться. Отщепенцев еще с детства лупят, не уважают.

Часам к двенадцати морозный туман остался только на дне долин да падей, а сами горы уже вовсю сверкали в чистой голубизне на солнышке. Сверху видно было все, что нагрудилось тут к Амуру — хребты, отроги, бомы, мысы и обмыски, каменные осыпи. И все это рассекала самая глубокая, главная долина, по которой широкой белой полосой тянулся Амур. Чем дальше на север, тем открытее были распадки, тем ниже и положе склоны. В той же стороне виднелись и обширные белые прогалины полей. А между нами и теми прогалинами хаотически толпились разные возвышения, заросшие дубняком, даурской березой, соснами. Это — не тайга. Скорее — горные дубравы. И летом и зимой ходить тут много проще, чем в тайге. Земля твердая, ровная, трава не высокая и не густая. Снег зимами не глубокий. Бурелома нет. И если не лезть в низинные ольховники и тальники, если обходить заросли мелкого осинника, который так густ, что сам себя душит, то двигаться можно довольно ходко.

Сейчас тут повсюду лежал девственно чистый снег. Каждая палка, каждый куст и ствол на фоне снега казались нарисованными тушью. Корявые, разлапистые, искривленные стволы старых дубов и даурской березы казались как бы обугленными. Однако сквозь такой лес хорошо видны и дальние заснеженные склоны, и всякие горбы, и становники, и петляющие распадки, и рыжие молодые дубняки, то там, то тут бегущие по сопкам в виде перелесков. По такому-то лесу мы и шли, белоголовые от инея.

Тишина была оглушительная. За весь день даже издали не удалось увидеть какого-нибудь путевого зверя. Всякий зверь слышал нас далеко-далеко и убирался вовремя, только следы оставлял да лежки. Правда, раза два «облаяли» козлы, но лаяли они, конечно, с безопасного расстояния и невидимые для нас.

Было ясно, что ничего в такую погоду мы не добудем. И ходить было нечего. Можно было, конечно, пострелять рябчиков, которые изредка вылетали, но мои асы не хотели зря тревожить округу, где, конечно же, бродили пока невидимые крупные звери. До самых сумерек не сделали ни одного выстрела. И только уж на подходе к «дому» постреляли несколько рябчиков.

Назавтра погода стояла такая же, и мы вынуждены были пойти на Амур с «дергалками», то есть с зимними блеснами. Нам указали место, где месяц назад сидел удачливый рыболов. Там же, в снегу, мы нашли лом и лопату.

Пододелись мы на этот раз не для ходьбы, а для сидения на льду. Нам одолжили хотя и старые, но вполне еще пригодные валенки, стеженные брюки и что-то похожее на бекеши. Срам было смотреть на нас. Если валенки да брюки пришлись еще впору, то бекеши, натянутые на меховые куртки, едва сходились, под мышками давило, и руки у нас торчали, как у снежных баб. Пугала огородные, снопы травяные.

Работать в такой одежде не было никакой возможности. Раздевались и лед долбили налегке. На сорокаградусном морозе невеселое это занятие. И сидеть — тоже. Однако ж провозились мы до самых сумерек. Намаялись, намерзлись до соплей, и все впустую. Не было рыбалки. И надежды на нее не было.

К ночи стало натягивать тучки. Багровая холодная заря и «уши» вокруг солнца указывали на то, что погода переменится.

...И вот опять утро. Опять идем по лесу. Погода отмякает, подувает ветерок, в небе копится легкая хмарь. Асы мои довольны. «Та погодка!»

У Володи ружье — самое мощное — пятизарядное. У Жоры — «Олень». Один ствол гладкий, другой — полунарезной, специально для пули. У меня Жорина двустволка с вертикальным расположением стволов. Хорошее ружье, да я еще не привык к нему. По старой охотничьей памяти я знаю, как просто оплошать с непривычным ружьем. Потому-то время от времени я останавливаюсь где-нибудь и спешно, навскидку целюсь то в сосновый кап, то в пенек, то еще куда-нибудь. Мне надо привыкнуть к прикладу, к предохранителю и хорошо запомнить, какой крючок работает на верхний ствол, какой — на нижний. К тому же один из них много туже, чем другой.

То есть потихоньку, на всякий случай я отрабатывал необходимые приемы. А то мало ли что. Правда, я не очень верю, что придется стрелять. Не очень верю, но... раз уж иду с ружьем, да по лесу, да «со товарищи»

при лицензиях, то вроде и обязан стрелкнуть, если, конечно, подвернется что-нибудь подходящее. Обязан, черт побери! Ведь не забыл я еще, как это делается. Только нет ни капельки прежнего азарта и волнения.

Иду где-то между Володей и Жорой, которые, как мне кажется, неоправданно спешат. А может, я тихо иду, поскольку делаю это «без искры божьей». К тому же в прошлом году я ломал на мотоцикле ногу, и она теперь чуток не догибается в голеностопном суставе, вследствие чего и загребает снегу больше, чем другая. С такой ногой я еще не бродил по заснеженным горам. Еще пробую, привыкаю.

На широкой спине водораздела с редкими кривыми стволами черной (даурской) березы и старого дубняка по следам на снегу понял, что Володя сильно забирает влево, а Жора, наоборот, жметя к правым склонам и даже ныряет в боковые обрывистые лощины.

Жора — человек сообразительный. Он первый вспомнил, что кабан в эту неуютную пору как раз и затевает свадьбы и держится в труднодоступных местах — где-нибудь на верхах, между скал и провалов. Оттого-то и потянуло Жору все правей да правей, к уступам и обрывам. Оттого-то и пошагал он все быстрее да быстрее. И увидел зверя.

То был кабан-одиночка. Он шел круто в гору, по ту сторону глубокой лощины, заросшей по низу приземистым лопухим дубнячком и лещиной. Жора взволновался, встал на колени, прицелился, ударил пулей и увидел, как она, пуля, вспахала снег под ногами у кабана. Обнизил. Не рассчитал. В то же самое время снизу, из лощины, из зарослей, в его сторону с хрюком, треском и лошадиным топотом выскочил целый кабаный табун, и Жора, подумав, что его «сожрут», в два прыжка очутился на выгибе дубовой лесины, склоненной под гору.

Выскочив наверх, к Жориным следам, кабаны вдруг замерли, прислушались, зашевелили ноздрями и ушами. «Сожрут. Сейчас сожрут», — думал Жора, стараясь не выказывать никаких признаков жизни.

А сидел он, надо сказать, всего в десятке метров от них и не так уж высоко от земли.

Кабаны постояли не более трех секунд, которые Жоре показались очень длинными, и, шумно фукая, бросились... врассыпную.

Все это были подсвинки, килограммов по восемьде-

сят — самые безопасные и «съедобные». Разберись Жора сразу, он наверняка завалил бы одного из них. Ведь в ружье еще был заряд. Но вышло вот неладно. Даже совсем неладно.

— А вышло так потому, наверное, что от выстрела эхо сразу же ударило в ту сторону распадка, в крутик. Вот они и дунули на меня...

Так Жора доложит нам вечером. А сейчас, подстегнутые его выстрелом, мы с Володей бежим к кабаньей тропе, которой все время держался Жора. После выстрела кабаны нередко бегут назад по своему следу. Вот и надо поспеть.

Мы не ошиблись. Вскоре мимо нас, мелкоколем, в котором ничего не видно было от низкой дубовой листвы, промчались два или три зверя. Только — шарк... шабарк... шурк... Будто снаряды, прошивали они дубнячок, полный зимней листвы, и всего только раз, на одну секунду, мы увидели их на крохотной прогалинке. Конечно, мы не успели ни прицелиться, ни выстрелить. А они шаркнули еще раз два и скрылись за сопочкой.

Полагая, что зверовой охоте уже конец, я перезарядил ружье дробью, на рябчика, и положим мелким распадочком, сплошь покрытым рыжей дубовой «шубой», начал спускаться в сторону поселка. Тут я опять услышал это шарк-шарк и замер, выискивая глазами причину. Мне бы сразу глянуть на соседний крутик, и я увидел бы, что там, совершенно открытые, метрах в семидесяти от меня стоят две козы. Но я увидел их с запозданием. Повернув ко мне головы, они стригли ушами. Начни я шевелиться, перезаряжать ружье, они сразу же испугались бы и умчались. И я все так же стоял пнем, выжидая какого-нибудь удобного момента. Я глядел на них, они — на меня. Наверно, не обнаружив ничего опасного, одна из них чуток сторбилась, осела репицей и посыпала на снег темные горошки. Потом, почти шагом, но все время оглядываясь, козы пошли круто в гору. Я отступил за дубок и начал перезаряжать ружье картечью, но тут козы услышали Володиные шаги и, метнувшись в сторону, скрылись из виду.

— У тебя тут вроде шабаркало что-то, — вполголоса спросил Володя, приближаясь. — Или это ты сам?

Я рассказал ему, как было дело, и он не то чтоб пожурил меня, но дал понять, что поступил я не лучшим образом. Надо было сразу, как услышал шорох,

перезарядить ружье, и тогда наверняка бы... Ведь они, козы-то, сами, считай, дожидались. Даже темные горошки на снегу оставили. Можно бы обеих свалить. Рядом стояли...

Словом, мне дано было понять: если уж я полез в кузов, то должен быть и груздем. Иначе какого черта с ружьем таскаюсь? Тут уж будь добр — один за всех, все за одного. Все друг на друга должны работать. И я молчаливо решил, что стрелять мне все-таки надо. Да и времени уже три дня убухали... Добыть бы что-нибудь да и отчаливать восвояси...

* * *

Утро следующего дня было таким же, как накануне, — чуть пасмурное и не очень морозное. Вышли мы рано, до солнышка. Дошли до места, где Жора сигал от кабанов на дуб, осмотрели все следы, послушали соответствующие объяснения, выдали соответствующие подначки, посоветовались и решили пойти на устье Широкой пади, которая утыкалась в долину Громотухи. Там, в самом начале пади, тянулись подветренные прилавки, где могли дневать козы. Сначала двинулись низами, прикрываясь становичком, тянувшимся на восток, вдоль Широкой, чтобы потом перевалить его и осторожно спуститься к прилавкам. Я шел «левым крылом», и мне можно было не спешить, дожидаясь, пока «правое крыло» сделает свой маневр, развернется, поднимется на становик и нависнет над избранными угожьями. Пошарившись по вершинкам мелких распадков, я скоро вышел наверх, выбрал для обзора лобовину, с которой Широкая просматривалась до самого устья. Внизу, правее от меня, тянулись эти самые прилавки, а над ними полукругом высились крутые склоны. На таких прилавках ставят пасеки и разбивают сады. Однажды мы тут собирали голубику, и на нас со всех сторон «лаяли» потревоженные козлы. Значит, угожья подходящие.

Ждать мне пришлось долго. Сначала стоял недвижно. Потом начал переминаясь, потом приседать и подпрыгивать. Продрог. И когда уж совсем собрался покинуть свой пост, в той стороне, куда должно было выйти «правое крыло», раз за разом ударили вдруг выстрелы, а потом началась и пальба. Это, конечно, поддавал жару Володя со своей пятизарядной. И вот я начинаю различать, как в мою сторону, мелькая меж

кустами, несутся три козы. До них еще далеко, но я уже слышу, как потрескивают ветки. Мне надо решить, что делать. Или пробежать вперед и скатиться под гору, чтобы там их встретить где-нибудь, или податься вправо по станову к седловине, по которой они могут пробежать невидимые для глаза? Но ни то, ни другое не годилось. Все равно они услышали бы меня и заходя свернули куда-нибудь. Надо было ждать пока.

Я встал на колени, снял предохранитель, взял ружье наизготовку и замер, изображая что-то вроде пня. Козы потрескивали где-то уже недалеко, но теперь я их не видел. Их закрывала выпуклость моей лобовины. Они были там, внизу, под горою, а я тут. Конечно же, они могли промчаться мимо по седловине или у подножия склона подо мной. И мне казалось, что пора уже вставать и бежать рассматривать, где они. Но тут прямохонько от меня выскакал снизу козлик — «инзыган», то есть молодой козлишка, которому не было еще и году. Выскакав повыше, он остановился, как на картинке, сначала поглядев на «пень», а потом повернув голову назад. Стоя так, он как бы спрашивал: «Ну, скоро вы там? Я уже вот где стою! Давайте сюда! Слава богу, убежали от этих... Теперь все в порядке...»

Как ни мало было времени, а все же я успел подумать о том, о чем не раз уж думал прежде: как они к нам относятся? Как называют на своем «языке»? За кого принимают? Сильно ли боятся человека или привыкли к нему и ко всяким опасностям, как привыкает и человек к превратностям судьбы своей.

Он был симпатичный, этот козлик. Сытенький, буренький, шерстистый и оттого толстый, как бочоночек. У него был ширококонький лоб, а мордочка — клинышком. Самый кончик носа аккуратно черный, а на нем — клочок снегу, который он поддел как-то. Во всей его фигуре так и сквозило, что он наивен, счастлив, хорошо вскормлен, очень доволен собой и старшими. Пацан, любимец, шалун...

«Ну тебя-то, браток, я пропущу... Посмотрим, кто там дальше убежит...»

Стоял я все так же недвижно, на колени, держа стволы в его сторону, пока не выскочила из-под горы матерая фигура на высоких ногах. Я выстрелил и был уверен, что не промахнулся. Жорино ружье било хорошо, заряд был сильный, целился я слишком спокойно, даже

рассудочно как-то, и расстояние было — метров пятьдесят или того меньше. Я бы даже не назвал этот выстрел охотничьим, если бы не было уже убито впустую три дня времени и исхожено столько сопок и распадков.

Там, где стояла козлуха (после оказалось, что это была очень крупная и упитанная самка), было пусто, а мимо меня на махах, скрываясь за куртинками мелкого дубняка, бежали два «инзыгана». Бежали они так, что, будь у меня оба ствола заряжены, я успел бы выстрелить по обоим. Впрочем, один-то выстрел у меня еще был в запасе, и мне подумалось, что товарищи мои наверняка спросят, отчего это я не стрелял второй раз. Ведь их бежало трое. Спросят. Наверняка спросят, а потом объясни попробуй, что это были маленькие козлишки, неподходящие, и все такое. Не поверят. На смех подымут. «Эх, черт!.. Была не была! Возьмем еще одного...» И, нащупывая нижний спусковой крючок, я стал переносить стволы через кусты, чтобы выстрелить, когда «инзыганы» покажутся в прогалинке. Но тут я, наверное, нащупал спуск сильнее, чем следовало, и неожиданно грянул выстрел. Сначала-то я сконфузился: футы, ну-ты! Но тут же и обрадовался. Вот и хорошо. Пусть живут «инзыганишки», как оно и положено им. И оправдание есть: ружье чужое, непривычное.

Как только я пальнул и понял, что пень изображать уже незачем, я встал и, наклонясь, начал рукавицей отряхивать снег с колен. И что же вижу я: один «инзыганишка» повернул назад и скачет ко мне — прямо на меня! Он подбежал почти вплотную и только тут затормозил, слегка проехав на задке по снегу. Конечно же, как только я зашевелился, он принял меня за мать. Конечно же, он совсем был растерян. И там стреляли и тут!.. Куда деваться. Выручай, мама!

Не знаю, какое было у меня выражение лица. Мне было и смешно, и грустно, и стыдно, и вместе с тем я испытывал какое-то отрадное чувство. Я махал на него рукавичкой и тихонько, почти заговорщицки говорил ему, как ребятенку:

— Иди. Иди отсюда, дурачок, пока ружье не заряжено.

Он отпрянул и помчался вслед за братцем или сестрицей (кто их разберет сразу?).

Может, это и была моя последняя охота.